

персона *Муллава Виктория*

“раньше я все время играла в черном”

Виктория Муллава — Газете

Знаменитая скрипачка и наша бывшая соотечественница Виктория Муллава этой весной впервые за тринадцать лет посетила Москву, дав в БЗК свой первый сольный концерт. А только что на фирме Philips вышел новый и уже суперуспешный диск Виктории Муллавой с концертами Моцарта, которые она играет, по своему обыкновению, барочным смычком и на жильных струнах. С Викторией Муллавой встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

101 Виктория Муллава: «Не принимаю догм — не люблю, когда кто-то командует, как играть или как жить» Фотограф: Саша Гусов

Есть ощущение, что come back удался?
Это был мой первый сольный концерт на этой сцене — было, конечно, очень приятно здесь стоять. И очень хорошо слушали.

В списке ваших педагогов значится Коган...
Один из. Мой главный педагог был Пронин — его ассистент, с которым я занималась семь лет. Самым первым был Борис Левин, который в первый раз дал мне в руки скрипку. Мне было четыре года. Он сам был из Москвы, но ездил в Жуковский преподавать. В течение сорока лет он каждый день ездил туда. И так получилось, что я к нему попала и он убедил моего папу, что я должна заниматься. Мой папа был простой инженер из Жуковского, и если бы не Левин, я не знаю, как бы сложилась моя судьба. Он же убедил отдать меня в ЦМШ и там показал меня Пронину. Другой бы наверняка захотел оставить способную ученицу себе.

Что же произошло с вашим отъездом? Наши газеты, как вы понимаете, писали бог весть что. Идея побега возникла примерно во время конкурса имени Чайковского.
В тот момент я поняла, что контрактов будет очень мало. Все зависело от Госконцерта. Парочку сделали в Финляндии, один в Дании, один там какой-то планировался в ГДР — короче, было какое-то такое чувство безысходности. Если даже конкурс Чайковского ничего не изменил, тогда я решила, что не буду рисковать всей своей жизнью.

Ну жизнью-то вы рисковали.
Да, но ради свободы. Я пару раз была за границей до этого, посматрела, как люди там свободно дышат. Я даже не мечтала о карьере — на этот счет у меня просто не было никаких мыслей в это время. Я считаю, что, даже если бы моя карьера не удалась, все равно я бы нашла чем заниматься, главное — свободно дышать.

Чем, например, вы смогли бы заниматься в случае неудачи с карьерой?
Ой. Честно — на эту тему я тоже не думала. Да чем угодно могла бы... Соломку к себе тоже не стелила. Мне, слава богу, тут же предложили контракт. Меня нашел менеджер из Америки, и я это восприняла как должное. Только потом я по-настоящему поняла, как мне повезло.

Я знаю, что вы сильно рисковали еще и потому, что ваш тогдашний партнер и аккомпаниатор Вахтанг Жордания в этом турне на самом деле был дирижером, который впервые сел за рояль за два месяца до тура. Да, это был самый большой риск. Вы оформляли до-

кументы в разных городах. Он — в Харькове. Волновались, что они как-то поймут, что мы пара. А пары тогда не выпускали вместе. И без него я, в принципе, побоялась бы, хотя... кто знает. До последнего момента мы не знали, дадут нам паспорт или нет. И я помню, как декан оркестрового факультета в консерватории, уже когда было ясно, что нам дадут паспорт, и мы уже свободно вздохнули, вдруг меня подождала и сказала: «Какая еще там Финляндия, никаких Финляндий — вы еще должны на отчетном концерте играть здесь». Тут я поняла, что я не хочу, чтобы какая-то мало-знакомая женщина руководила моей жизнью...

Мы знали, что граница с Данией открыта. Просто переехали и там уже заявили в полицию. Там никто не знал, кто я такая. Были выходные, и нам сказали, что надо ждать понедельника. И мы пошли в гостиницу и там сидели три дня голодными, потому что боялись выходить из номера. И уже потом, когда было открыто посольство и мы туда позвонили, вышли газеты с моей большой фотографией на первой полосе, и полиция тут же к нам примчалась.

Скрипачи — это такая «высшая» каста музыкантов, принято учиться у них. Вы же учитесь у гобоистов, дирижеров и очень часто называете крайне неожиданные имена, повлиявшие на вас.

На самом деле таких людей было очень много. Первым был Марко Постингель — молодой музыкант. Как-то в Париже он пришел к нам на ужин и вдруг стал спрашивать меня про предстоящую запись концертов Баха с Либерманом и Английским камерным оркестром. Он меня тогда спросил: «А зачем?» — «Как зачем?» — отвечала я. — У меня контракт, через месяц запись, я даже еще не начала готовиться, потому что там играть-то нечего...» Концерты эти играют в школе. А он тогда мне сказал: «А ты знаешь, что первые три ноты ми-мажорного концерта можно играть по-разному? Есть десять вариантов того, как они могут звучать». Мы проговорили полночи, а на следующее утро я отменила запись, потребовав значительно больше времени. Некоторым кажется, что достаточно натянуть другие струны, взять другой смычок, и сразу все будет аутентично — не будет. Есть такой ансамбль Il Giardino Armonico, который недавно приезжал в Москву. Каждый раз я смотрю, как они играют (не то что они мне дают уроки, а так, подсматриваю), как они берут смычок, как меняется постановка рук — это другой инструмент. Их дирижер Джованни Антонини — флейтист. У него я учусь больше, чем у любого скрипача. Еще у нас в группе был кларнетист — такой музыкант!

Я затаив дыхание слушаю, как он играет некоторые фразы.

Я был на вашей встрече с педагогами и студентами ЦМШ, где вы говорили, что партиты Баха у нас учили играть как что-то ужасно масштабное, почти как Мессы или Страсти. А на самом деле это танец. Я не спорю ни с низким строем, ни с жильными струнами, ни с барочным смычком, которым вы играете старинную музыку. Но согласитесь, баховская чакона и полька Штрауса — это разные танцы...
Да, но все равно я слышу в чаконе столько танцевальности. Там есть невероятная духовность, но она не монументальная, а очень интимная. Там нет этих искусственно удлинненных монотонных фраз, которые были приняты здесь.

Как вам удавалось уговаривать Philips записывать такие вещи — они не очень-то любят рисковать?

Здесь не было никаких проблем. Наоборот, они хотели писать больше, а я как раз отказывалась, стремясь сделать меньше да лучше. Вот, например, я давно хотела записать Бетховена, но очень долго ждала часа, когда смогу сделать это с любимым дирижером для этой музыки — сэром Джоном Элиотом Гардинером.

Говорят, он сложный человек. Да, он сложный человек. Очень сложный. Но мы такое удовольствие получили от совместной работы. Мы изучали манускрипты, меняя какие-то вещи. Естественно, играли на жильных струнах в низком строе. Раньше у меня был абсолютный слух, а теперь нет, потому что у меня все время меняется камертон ноты ля. То выше, то ниже... Это был его оркестр, очень небольшой, но именно с такими я сейчас предпочитаю играть Бетховена. Я бы не стала его играть сейчас с большими филармоническими оркестрами вроде London Symphony или Philharmonic, или Konzertgebau. Это совсем другие краски...

Знаю, что Бартока вы отважились как-то играть, будучи сильно беременной. Это ведь ужасный по трудности концерт.
Да нет. Беременность не помешала. Я недавно смотрела старые записи, когда переписывала. Так там есть одна с таким животом — месяцев восемь. А звук прекрасный.

На мой взгляд, ваш Бах особенно хорош тем, что при всех этих аутентичных премудростях в нем нет присущего этому направлению догматизма.
Да, я страшно не люблю всевозможную догматику. Не люблю, когда кто-то командует, как надо играть, также как не люблю, когда командуют, как жить. Я выбираю для

себя те вещи, которые мне нравятся, если нет — я не буду так играть только во имя идеи. Даже когда мы недавно играли в Зальцбурге с Il Giardino Armonico, я считала, что я не должна играть так, как их первый скрипач, — это нонсенс. Пусть тогда они играют со своим первым скрипачом. Характер, наверное... Известный актер Майкл Кейн как-то сказал, что самое главное для актера — это «слизывать». Это мне очень запомнилось. Нельзя себя поместить в капсулу. Ты слушаешь, тебе что-то нравится — ты «слизываешь». Так и композиторы, я считаю, что они друг у друга многое «слизывают». Это грубо, конечно, но неким общим воздухом они дышали.

В 1982 году, когда вы уехали, Шенберга и Бартока здесь тоже не очень-то играли, как, впрочем, и Баха старинным смычком. Где вы этому научились? Это тоже отовсюду. Вот, скажем, бартоковский «Танец», который мы играли на концерте, — это от цыган. Я много слушаю такой музыки, в Лондоне куча таких концертов, и цыганских групп, и того, что называется World Music...

Любите Кустурицу?
Ой (смеется), да. Вот, например. Я это тоже беру отовсюду — из фильмов, из джаза, а не то что бы сижу и слушаю других скрипачей. Честно говоря, это довольно скучное занятие.

Ансамбль вашего мужа виолончелиста Мэтью Берли называется «Между нот» (Between the Notes). Не так давно вы, вместо того чтобы записать альбом с виртуозным скрипичным репертуаром — Крейслером, Сарасате, Изаи, сделали диск с работами известных тем современной музыки. Нет ничего интересного в том, чтобы еще раз сыграть Сарасате или Изаи, вот я и предложила записать те современные вещи, которые я люблю. The Beatles, Дюк Эллингтон, Гершвин (то, что Хейфец играл), Bee Gees и даже Uriah Heep.

Но вы всячески отнекиваетесь от словечка crossover?
Это не crossover потому, что я не играю эту музыку как джазовая скрипачка. Потом у Равеля или Бартока много джазовых интонаций — их же не называют crossover. Ритм у джаза совершенно другой. Я, когда начала играть, очень долго не понимала, почему Мэтью говорит, что я играю не тот ритм. Оказывается, его невозможно точно записать, но можно почувствовать. И Мэтью заставлял-таки меня немножко импровизировать — дал мне блюзовые аккорды, только тогда я что-то поняла. Все это осталось потом и в Равеле.

Я знаю, что этой музыкой вы заболели еще здесь. Что слушали тогда?
Тех же Bee Gees, The Beatles, Pink Floyd, Джорджа Бенсона — много чего. Мне всегда нравилась поп-музыка.

Поп или рок? То, что было названо, я всегда считал роком. Да нет, это больше поп, и в магазинах это можно найти в разделе «поп». Еще мне нравится соул. Скажем, Стиви Уандер. Рок — это больше Nirvana.

С вашим темпераментом пошла бы и Nirvana... (Смеется.) На самом деле мы очень тщательно выбирали именно те темы, которые можно было бы удачно переложить на скрипку, а не просто красивые мелодии. Чтобы было что-то свое. Можно было взять Yesterday и банально сыграть мелодию, но ведь это никому не интересно.

Сейчас рынок звукозаписи в кризисе, как вам удается писать что-то кроме The Beatles? Да, это правда. Но мне опять везет — только что позвонили с Philips и сказали, что хотят еще записать диск, поскольку недавняя запись концертов Моцарта разошлась очень хорошо. Там поговаривают, что в конечном итоге все решает бухгалтерия — они смотрят, сколько продано дисков, и если цифры большие — пожалуйста, пишите еще. Нет — какая бы ни была прекрасная запись, на этом все заканчивается. Рынок переполнен.

Что вы думаете о так называемых bimbo-fiddlers (игра слов — малышках со скрипкой, но также и маленьких жуликах) — всех этих милых девчушек модельной внешности, для которых скрипка в руках лишь бутафория для очередного fashion-show? Их, пожалуй, легче раскрутить, чем объяснить народу, чем же хороша Муллава, играющая на жильных струнах.
Ну когда слушаешь диск, платье не видно. И потом, знатоки разбираются, а широкой публике это, наверное, может быть интересно.

Не бывает досадно?
Досадно — нет. Смешно бывает. Иногда слушаешь — диву даешься... У меня хватает и записей, и концертов, и денег, жизнь настолько интенсивна, что приходится только выбирать и даже отказываться.

Честно признаюсь, я вас на этом концерте не узнал. Очень хорошо помню, как в 1990 году вы здесь играли Шостаковича с Аббадо, это было замечатель-

ное впечатление, но тогда вы были с длинными волосами, стянутыми в пучок, в черной рубашке свободного покроя — что-то почти монашеское, а теперь все яркое, модное, обтягивающее. Раскрепощалась я постепенно. Вместе с освобождением музыкальным происходило и психологическое. Повлияли люди, с которыми я общаюсь. Вот, например, Катя Лабек (смеется). Мне-сначала было трудно общаться с публикой, особенно если надо было подойти к микрофону и что-то сказать. Теперь ничего... Раньше все время в черном играла. Теперь даже на себя странно смотреть — когда я опять же записи переписывала на DVD, думала, как же все-таки я изменилась. Довольно странное чувство.

Следите за модой?
Конечно. И Катя тоже...

Ну Катя-то давно известна своими нарядами, а вы, значит, заразились.
Да. У меня очень много нарядов — для разных залов, программ, стран. Например, я бы не чувствовала себя комфортно, надев в БЗК к той программе, которую мы играли, платье от Versace. Это дало бы совершенно другой настрой.

На каких языках говорят ваши дети?
Они мне отвечают только по-английски, даже если я стараюсь говорить с ними по-русски. Вернее, старалась, а потом плюнула, потому что поняла, что теряю контакт с детьми. Они просто отказывались со мной разговаривать. И я решила, что лучше я буду с ними общаться. Но они прекрасно знают русский, поскольку у нас русская няня, которая с ними говорит только по-русски, и я недавно из другой комнаты подслушала, как они говорили на прекрасном русском языке.

Музыкантами не собираетесь их растить?
Нет, слишком уж это сложно и уже, наверное, поздно. Девочка, вторая, — она рисует. Рисует так, что иногда даже страшно становится. И мне посоветовали не отдавать ее никому учить, чтобы она не потеряла свое лицо. А кем она будет — неизвестно. Они все очень музыкальны. У моего сына такая память и вообще такой слух... У меня такого нет. Если бы он занимался, он, наверное, был бы либо дирижером, либо композитором. Например, когда мы поехали в Финляндию кататься на лыжах, он попросил у моего мужа нотную бумагу в самолете — сказал: «Мессу буду писать». Расчертил партии на всю страницу, написал слова... (Смеется.)

В Финляндию — на лыжах?
Да, отдыхать ездим на Север — даже в Лапландии были.

На какой скрипке вы сейчас играете?
Это Страдивари, очень известный инструмент — называется Julius Falk. Это еще одно мое большое везение — мне его купили в 1985 году, и потом я выплачивала деньги в течение пяти лет. А потом цены резко возросли, и я уже не смогла бы себе этого позволить.

А на чем играли здесь? Это тоже был Страдивари из государственной коллекции, поэтому, когда я уехала, оставила его в гостинице.

Вы полностью и сразу вписались в западную жизнь или что-то поначалу «дергало»?
Полностью. Мне все было удобно. Я два года прожила в Нью-Йорке, потом переехала в Вену. В Вене я была пять лет, и там мне не очень нравилось. Я там мало бывала в эти годы, в основном в разъездах.

Раз уже речь зашла о Вене, не могу не спросить о Клаудии Аббадо, с которым вы были вместе в эти годы.
В Вене я много ходила на оперу. Вся жизнь Клаудии была там — в опере. Именно поэтому, имея австрийский паспорт, я так и не выучила немецкий язык — больше общалась на итальянском. И потом, когда забеременела и у меня родился сын, — Клаудио не хотел ребенка, и поэтому мы расстались. Я переехала в Лондон. Детей я всегда хотела, поэтому даже вопросов не возникало. Я сейчас очень счастлива с моими детьми.

В жизни вы выглядите очень спокойной, тогда как на сцене производите впечатление крайне темпераментного человека. Где настоящая Виктория Муллава?
Нет, я, конечно, не спокойный человек (вздыхает). Совершенно. Стараюсь... стараюсь. У меня столько стресса дома. Покою в моей домашней жизни нет. Самое трудное для меня — это расслабиться, освободиться от зажатости. Всю мою жизнь мне нужно было что-то доказывать. Все должно было быть на сто процентов. Комплекс отличницы. Нельзя ошибиться на сцене. До сих пор со мной такое творится, когда я выхожу на сцену, хотя этого, быть может, уже не видно, но я страшно волнуюсь, что что-то сыграю не так. И от этого освободиться очень трудно. В жизни тоже — нужно, чтобы все было как намечено. Не дай Бог опоздать куда-то и так далее. Это моя большая задача. Может показаться странным, но на гастролях я отдыхаю — ни о чем не надо думать, тебя возят, кормят, все устраивают.

Ну да, как Золушка, которую спрашивают: «Вы не устали с дороги?», а она — «Нет, что вы, я в дороге отдохнула». (Смеется.)
Вот-вот...